

Мария Давыдова

Роберт Шуман. Его жизнь и музыкальная деятельность

Мария Августовна Давыдова
Роберт Шуман. Его жизнь и
музыкальная деятельность
Серия «Жизнь замечательных
людей (ЖЗЛ от Павленкова)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175624*

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Детство и юность

7

Конец ознакомительного фрагмента.

18

М. А. Давыдова

**Роберт Шуман. Его жизнь и
музыкальная деятельность**

*Биографический очерк М. А. Давыдовой
С портретом Шумана*

Глава I. Детство и юность

Семья: отец и мать. – Характер Шумана. – Его игры. – Уроки у Кунтиша. – Склонность к поэзии. – Проявление музыкальности. – Знакомство с домом Карус. – Концерт Мошелеса. – Гимназия. – Влияние Жан Поля. – Перемена характера. – Первая любовь. – Смерть отца.

Восьмого июня 1810 года, в Цвиккау, маленьком городке живописной Саксонии, совершилось событие, сделавшее это местечко историческим: в этот день в семье Шумана, состоявшей из отца, матери, сыновей Эдуарда, Карла, Юлия и дочери Эмилии, родился последний, любимый сын, Роберт, в котором мир нашел одного из своих величайших музыкальных гениев.

Семейство Шумана принадлежало к купеческому сословию, и до появления последнего сына никто из членов его не помышлял о музыке, еще менее подозревал, что этому искусству их скромное имя будет обязано своим бессмертием. Скорее можно было ожидать, что в их семье появится поэт, так как отец Роберта, Фридрих Август, обладал поэтическим дарованием, подавленным тяжелыми и бедственными обстоятельствами, среди которых протекла его юность. Он был сын бедного священника; отец определил его на торговое поприще, невзирая на его очевидные стремления к литературе, результатом чего явился душевный разлад, который

наложил навсегда печать сосредоточенности и серьезности на характер Августа Шумана; но он поддался гнетущим его обстоятельствам лишь после упорной, долгой борьбы, подкосившей его силы и сведшей его в преждевременную могилу. По окончании школы Август Шуман поступил учеником к одному купцу в Ронненбурге.

Чем более вникал он в торговое дело, тем более чувствовал к нему отвращение и тем сильнее влекло его к книгам, которыми он зачитывался «почти до сумасшествия». Не будучи более в состоянии выносить своего положения, Август бросил место и записался студентом в Лейпцигский университет. Крайняя нужда заставила его снова вернуться в родительский дом, где он занялся литературным трудом. Хотя написанный им роман не имел успеха, но он познакомил его с книготорговцем Гейнзе в Цейсте, предложившим ему место своего помощника. Август Шуман с радостью ухватился за это место, ставившее его в самое ближайшее соприкосновение с излюбленной литературой. В Цейсте он познакомился с девушкой, в которой нашел свою будущую жену. Препятствием к их браку явилась опять бедность жениха, но молодой человек не хотел уступить своего счастья без борьбы: он бросил место, приносившее ему мало дохода, и целым годом упорного труда скопил себе тысячу талеров, женился и несколько лет спустя открыл самостоятельную книжную торговлю, которая пошла настолько успешно благодаря его неунынным стараниям, что он вынужден был перевести свое

дело в более торговое место – город Цвиккау, где основал магазин под фирмою «Братья Шуманы». Его деятельность ознаменовалась многими полезными изданиями, переводами на немецкий язык творений Вальтера Скотта и Байрона; но особого внимания он заслуживает тем, что первый предпринял дешевое карманное издание классических произведений иностранной литературы, которое впоследствии получило такое огромное распространение.

Жена его, Иоганна Кристиана, урожденная Шнабель, обладала природным умом, но атмосфера маленького городка, в котором она выросла, наложила свой отпечаток на ее отношение к жизни; взгляды ее на вещи не выходили из ряда самых обыденных и отличались скорее узостью, чем широтой. По характеру своему она представляла крайнюю противоположность своему серьезному и замкнутому внутри себя мужу: веселая, горячая, вспыльчивая, хотя и добрая, Иоганна под конец жизни впала в какую-то восторженную экзальтацию и всю силу материнской любви сосредоточила на последнем своем сыне, «светлой точке своей жизни» – Роберте.

Шуман был веселый, шаловливый ребенок; его тонко очерченное, симпатичное свежее личико окаймляла масса белокурых волос, ниспадавших длинными локонами на спину. Любимец матери, он в то же время был баловнем всей семьи, терпеливо сносившей все его детские выходки, шалости и капризы. Первые годы своего детства будущий композитор провел преимущественно в обществе женщин, что, конечно,

не могло не отразиться на характере Шумана, который привык к потворству его капризам и до конца жизни сохранил свой неподатливый нрав. Шести лет он поступил в школу Денера в Цвиккау, где среди товарищей еще более выступила его любовь первенствовать и выделяться: он являлся вожаком всех игр, особенно же любимой – в солдаты, где всегда принимал роль полководца и руководил сражениями. Хотя успехи Шумана в школе были не особенно блестящи, но его богатая натура стала проявлять свои разносторонние дарования уже с самого раннего возраста: наряду с музыкальностью обнаружился поэтический талант – мальчик писал стихи, сочинял комедии и трагедии, которые разучивались товарищами и с помощью отца, а также старшего брата Юлия исполнялись в доме Шумана иногда даже публично за небольшую плату. С семилетнего возраста он стал брать уроки игры на фортепиано у органиста Кунтша, человека очень добросовестного, педантичного, но, к сожалению, малосведущего, который не мог далеко подвинуть своего гениального ученика. Несмотря на полнейшее незнание теории композиции, семилетний Шуман уже стал пробовать свои силы в сочинении преимущественно танцев, которые он записывал в большую нотную тетрадь, переплетенную и названную им «Полигимния». Едва он успел освоиться с инструментом, как стал поражать всех своими импровизациями, в которых особенно ярко выступила его удивительная способность изображать звуками различные характерные черты: иногда он рисо-

вал на фортепиано своих товарищей до такой степени похоже, что они, стоя вокруг него, покатывались со смеху. Долгое время поэзия и музыка оспаривали свое первенство в душе гениального ребенка, так что трудно было предсказать, какое из двух искусств возьмет верх. Отец Шумана с особенной любовью следил за развитием литературного таланта сына и лелеял в душе сладкую мечту видеть в сыне осуществление тех стремлений и идеалов, которых не суждено было достигнуть ему самому. Но один случай разбил его надежды и вместе с тем указал сыну тот путь, на котором он стяжал себе всемирную славу. В 1819 году Август Шуман поехал в Карлсбад и взял с собою сына, который таким образом имел возможность услышать Мошелеса, дававшего там свой концерт. Игра этого знаменитого виртуоза произвела на Шумана необыкновенно сильное впечатление: он долгие годы хранил как святыню программу этого концерта, до конца своих дней говорил с восторгом о Мошелесе и сохранил на всю жизнь воспоминание о знаменательном для него вечере.

С этого дня в душу мальчика запала глубоко мысль посвятить себя музыке; он с усиленным рвением стал заниматься игрою на фортепиано. В следующем году Шуман перешел из школы в гимназию, но ни наука, ни товарищи не могли более отвлечь его от музыки: детские игры были забыты, товарищи оставлены, так как Шуман стремился лишь к тем из своих сверстников, кто так же, как он сам любил музыку. Он очень подружился с сыном одного музыканта, Пильцингом,

совместно с которым брал уроки музыки у Кунтша. Оба друга проводили все свое свободное от занятий время за фортепиано, усердно разыгрывая в четыре руки симфонии Гайдна, Моцарта и других композиторов. Отец Шумана хотя потерпел некоторое разочарование в своих надеждах на сына как на будущего поэта, но как человек умный оценил его музыкальный талант и, испытав сам все страдания неудовлетворенных стремлений, желал избавить от них своего любимца; воздерживаясь от явного поощрения и излишних похвал, он не жалел средств, чтобы доставить все необходимое для развития его музыкального дарования: выписывал всевозможные ноты и приобрел новый великолепный инструмент знаменитой в то время фирмы Штрейхера в Вене. Среди нот, вероятно по ошибке, попала увертюра к «Тиграну» Риджини, со всеми оркестровыми голосами, что возбудило в Шумане желание исполнить увертюру с оркестром: он собрал из своих товарищей всех, кто играл на каком-либо инструменте, и таким образом возник маленький оркестр, состоявший из двух скрипок, двух флейт, одного кларнета и двух труб; для этих слабых сил Шуман переделывал все партии, недостающие же инструменты дополнял сам на фортепиано. Отец Шумана заказал им пюпитры, и юный оркестр под управлением Роберта стал не только упражняться, но давать концерты, вся публика которых ограничивалась отцом Шумана, делавшим вид, что не обращает на юных артистов никакого внимания. Двенадцати лет Шуман сочинил музыку на

150-й псалом, который был исполнен оркестром при помощи хора товарищей. Эти вечера завершались обыкновенно импровизацией на фортепиано самого Шумана, который достиг такого совершенства, что мог считаться первым виртуозом в таком маленьком городке, как Цвиккау. Он выступал в качестве пианиста не только на этих вечерах, но и в других домах, особенно же в доме Каруса, где «все было – радость, веселье и музыка», где имена Моцарта, Гайдна и Бетховена произносились с благоговением. Музыкально-литературные вечера в гимназии также не обходились без участия Шумана, чем он навлек такой гнев своего учителя, запрещавшего его публичное исполнение, что тот отказался от дальнейших занятий с непослушным учеником, заявив, что он может усовершенствоваться один. Август Шуман немедленно обратился к К. М. Веберу с просьбой заняться с его сыном и хотя получил согласие, но по неизвестным причинам этот план не осуществился. Таким образом Шуман остался предоставленным самому себе в то время, когда он более всего нуждался в строгом и серьезном руководителе.

Прекращение уроков ослабило несколько музыкальное рвение Шумана, зато он снова с жаром принялся за изучение литературы. Вместе со своим школьным товарищем, Флехсигом, юноша отдался чтению со всем пылом страсти, удовлетворить которую ему позволяли богатые книжные склады отца. Среди наиболее любимых авторов первое место занял Жан Поль, которым Шуман зачитывался «до сумасше-

ствия», как когда-то его отец.

Увлечение Жан Полем доходило до поклонения и протянулось яркою нитью через всю жизнь Шумана. Влияние этого автора отразилось не только на поэтических произведениях Шумана того времени, но на всем складе его ума, на его воззрениях, отношениях к людям, на его музыкальном творчестве, имевшем часто связь с каким-нибудь из произведений Жан Поля. Поклонение Шумана Жан Полю доходило до того, что его горячий почитатель не терпел дурных отзывов о любимом им авторе, и когда однажды, уже будучи в зрелом возрасте, за обедом, данном в честь него, композитор услышал отзыв о Жан Поле, показавшийся ему недостаточно почтительным, он молча встал и вышел из комнаты.

В самый разгар увлечения Шумана литературой в Цвиккау, в семью Карус, где его звали «Фридолином», приехала гостить одна родственница, жена доктора Каруса, сделавшего впоследствии университетским профессором сначала в Лейпциге, затем в Дерпте. Страстная любительница музыки и отличная певица, она своим пением заставила Шумана обратиться от литературы обратно к музыке и была причиной того, что он сочинил несколько романсов на слова Байрона, Шюльца и собственные. В это же почти время в душе Шумана загорелось пламя первой любви: «О друг, – пишет он Флехсигу, – будь я улыбкой – я хотел бы летать вокруг ее глаз, будь я радостью – я хотел бы трепетать в ее сердце; да, если бы я мог быть слезой – я плакал бы с нею, и если бы она

снова улыбнулась – я с радостью бы умер на ее реснице». Будучи в Дрездене, он тотчас же бежит на ту улицу, где должна жить «она», с трепещущим сердцем думает найти предмет своего поклонения в каждой проходящей женщине и, обманувшись в ожиданиях, утешается только звуками бетховенской симфонии. Вскоре пылкое чувство к этой прелестной девушке Нанни, ангелу-хранителю, как ее называет Шуман, гаснет, но он сохраняет самое светлое воспоминание о счастливых днях первой любви, которая переходит в чувство искренней дружбы и глубокого уважения: «Как в ореоле святости стоит эта милая девушка перед моим духовным взором. Я хотел бы пасть перед нею на колени и молиться ей, как Мадонне».

Вслед за тем другая девушка, Лидди, овладевает его сердцем. Пленившись ее красотой, Шуман при ближайшем знакомстве увидел, как мало они сходились в своих симпатиях, характере и воззрениях; разочаровавшись, он впадает в крайность, находит, что Лидди – черствая, взбалмошная, не способная понять ни одной великой мысли, что она – красивая статуя, и расстается с нею, не будучи в состоянии простить ей «тех речей, которые она вела о Жан Поле».

В Теплице он снова ее встречает, и ее приветливость чуть было не пробуждает в нем уснувшего чувства.

Лидди попросила его прогуляться с нею наедине к вершине крутой горы Розенбург. Шуман исполнил ее желание. «Я дрожал, – пишет он, – я не говорил, и она была безмолвна:

наконец мы достигли высочайшей точки; представь себе мои чувства, представь себе, как вся цветущая природа живописно раскинулась передо мною; целая цепь синеющих в тумане гор тянулась на востоке вдоль горизонта: на западе садилось солнце. Весь храм природы вставал перед опьяненными взорами. Как Фетида, хотел бы я погрузиться в этот цветущий поток и утонуть в нем. Представь себе, что поблекший было идеал стал потихоньку снова возрождаться в груди, что этот утраченный идеал вновь стоял одинокий возле меня!.. Но в то время, когда вершины гор пылали, леса алели, весь необъятный мир тонул в розовом сиянии, когда я глядел на этот океан пурпура, как бы соединявший все в одну необъятную мысль, и думал о божестве, а она, сама природа, любовь и божество, стояла в восторге возле меня, приветливо мне улыбаясь, – вдруг с быстротою молнии поднялось с запада облако, тучи взвились, закружились в вышине... я схватил руку Лидди и сказал: „Такова жизнь!“ – и указал на темнеющий пурпур горизонта. Она скорбно взглянула на меня, и слеза скатилась у нее с ресницы. Флехсиг, я думал, что нашел опять свой идеал, и молча сорвал розу, но когда я хотел ее поднести своему идеалу, раздался гром и сверкнула молния, – я взял розу и оборвал ее лепестки. Гром пробудил меня от чудного сна, я был снова на земле. Лидди стояла возле, и слеза уныло дрожала в ее голубых глазах: она тоскливо глядела на собиравшиеся тучи. „Такова наша жизнь“, – хотел я снова сказать. Молча спустились мы с горы. Мы не ска-

зали больше ни слова. Когда я прощался с нею, она крепко пожала мне руку – и сон прошел, сна уже больше нет». Так поэтично описал Шуман конец своего маленького романа.

Переход Шумана от детского возраста к юношескому ознаменовался разительной переменой характера: из веселого, шаловливого ребенка он сделался серьезным, сосредоточенным и задумчивым юношей; молчаливый, мечтательный, занятый внутренней работой, он сторонился людей и, замкнувшись в себе, жадно прислушивался к тем дивным мелодиям, которые начинали созревать в его душе. В 1826 году он пережил два тяжких удара, болезненно отразившихся на его впечатлительном характере. Его единственная сестра сошла с ума, и смерть лишила его любящего отца, его доброго, разумного руководителя, без которого ему пришлось выдержать тяжелую борьбу и чуть было не отрешиться от того, в чем таились смысл, счастье и слава его жизни – от музыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.